

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО КАПИТАЛИЗМА В БОЛГАРИИ В ПЕРИОД ТУРЕЦКОГО ИГА

Хр. Гандев, Н. Тодоров

История болгарской фабричной промышленности в период болгарского Возрождения не изучена. В значительной степени это объясняется отсутствием многих источников, необходимых исследователю. Болгарская буржуазия не хотела, чтобы стала известна история ее эксплуататорской деятельности в годы турецкого господства. Даже после освобождения страны на протяжении более чем шести десятилетий она скрывала архивы предприятий. Ныне документальные материалы дают лишь отрывочные сведения, которые не позволяют воспроизвести во всей последовательности историю фабричного и мануфактурного производства. Поэтому каждая фабрика или мануфактура, где сохранились архивные материалы, представляет собой чрезвычайно важный объект для изучения периода болгарского Возрождения.

В 1954 г. было обнаружено большое количество документов пловдивской ткацкой фабрики Гюмюшгерданов, которые касаются периода от начала XIX в. вплоть до 90-х годов¹. Хотя эти материалы и не оправдали всех надежд, возлагавшихся на них исследователями, они все же позволили дать очерк истории фабрики от ее возникновения до 1878 г., показать экономическую и социальную специфику развития предприятия в условиях разлагавшейся турецкой феодальной системы с конца 40-х до 70-х годов XIX века.

Начало капиталистическому предпринимательству Гюмюшгерданов положил цеховой мастер абаджийского цеха² Пловдива Атанас Гюмюшгердан (родился в 60-х годах XVIII в., умер в 1838 г.). В 30-х годах, разбогатев, он создал рассеянную мануфактуру в родопских селах (в районе Ахир-Челеби). Старший сын Атанаса, Михалаки, расширил мануфактуру благодаря тому, что сумел получить от государства кредит в 650 тыс. грошей и одновременно использовать помощь и связи своих ближайших родственников³. В конце 40-х годов Михалаки и его младшие братья, Георгий и Димитрий, получившие в наследство от отца значительный капитал, предприняли строительство текстильной фабрики. Фирма

¹ Ныне документы хранятся в Государственном историческом архиве (ЦИА) в Софии. Архив Гюмюшгерданов, ф. 161. Делопроизводство фирмы велось на греческом языке. Авторами были просмотрены книги №№ 1—100, 260—350, 371—578, отделы 164, 165 и папка с документами на иностранных языках.

² Абаджия — ремесленник, изготовлявший абу — грубую шерстяную ткань, из которой шилась короткая верхняя одежда под тем же названием. Абаджиями называли также торговцев абой и портных, шивших из абы.

³ См. К. Моравенов. Памятник за пловдивското християнско население в града и за общите заведения по произносно предание... Цариград. 1869 (рукопись, хранится в Государственной библиотеке имени Васила Коларова в Софии. Болгарский исторический архив, ф. 377, стр. 19, 129—139); «Из архивата на Найдено Геров». Под ред. Т. Панчева. Кн. 1. София. 1911, стр. 1008, правая колонка; «Копидка на пловдивския абаджийски еснаф». Издание с переводом М. Апостолидиса и Ал. Пеева. Ч. 1. Годишник на Народната библиотека в Пловдив за 1928—1929 годы. Пловдив. 1931, стр. 57, 81—83, 90, 94, 110, 119, 137; ч. II за 1930 год. Пловдив. 1932, стр. 12, 74, 76—77, 80—97.

занялась производством и поставкой одежды для турецкой армии. Главой ее стал старший брат; второй брат, Димитрий,— его помощником, а третий, Георгий, был послан в Константинополь, где открыл контору по приему государственных заказов и передаче готовой продукции на склады.

Создание ткацкой фабрики было вызвано экономическими потребностями того времени. Турецкое правительство в тот период приступило к организации своей постоянной армии. Возник спрос на большое количество дешевого и вместе с тем прочного обмундирования. Этим требованиям лучше всего отвечали болгарские сорта грубого сукна — «аба» и «ша-як»,— широко известные на малоазиатском рынке. В самой Турции в 30-е годы не было достаточного числа крупных предприятий, способных удовлетворить нужды армии. В Болгарии же, прежде всего в Пловдиве, сложились благоприятные условия для развития фабрик. Это объяснялось тем, что Пловдив с давних пор был одним из центров ткацкого и швейного производства. Из горной области Родоп, Среднегорья и Балкан на склады пловдивских торговцев поступало много шерсти-сырья. Из этих же районов приходило многочисленное избыточное население, предлагавшее дешевые рабочие руки. В Пловдиве существовал многочисленный и сильный абаджийский цех. Наконец, город был местом, где совершались крупные сделки по продаже тканей и готовой одежды, особенно во времена традиционной ярмарки, которую по названию квартала, где она проводилась, именовали Марашской. В районе города было создано несколько рассеянных мануфактур.

Место для будущего предприятия было выбрано с таким расчетом, чтобы взамен парового двигателя использовать силу падения воды. К концу 1847 г. фабричное здание было воздвигнуто, машины, заказанные в Вене, прибыли. Начался монтаж оборудования. Он проводился под руководством двух специалистов, приглашенных из Австрии. После окончания монтажа, осенью 1848 г., один из австрийских специалистов остался по контракту еще на 2 года, чтобы пустить фабрику и обучить работе и обращению с машинами местных мастеров⁴. Вскоре были назначены первые цеховые мастера и рабочие-болгары⁵.

Из документов архива неясно, какие именно машины применялись на фабрике. Известно только, что в числе их была большая прядильная машина с 64 веретенами⁶. В 1849 г. одной прядильной машины было уже недостаточно, чтобы обеспечить работу всех ткацких станков. Фабриканты решили раздобыть новую прядильную машину, более дешевую, чем первая. В конце сентября 1849 г. они вступили в переговоры с пловдивским механиком Атанасом Милуси. За 1 тыс. грошей он взялся в течение 51 дня скопировать «венскую» прядильную машину. Она была сделана и принята на производство. В том же году около фабрики был построен двухэтажный жилой дом, нижний этаж которого использовался для конторы и склада. В начале 1853 г. Гюмюшгерданы силами пловдивских строителей отремонтировали и расширили фабрику⁷.

Крымская война дала братьям Гюмюшгерданам возможность разбогатеть на военных поставках. На фабрике появилось более совершенное оборудование. В 1862 г. из Брно прибыл большой пресс для резания сукна, а в 1867 г. из Вены — еще две машины, по-видимому, прядильные⁸. В 60-е годы было построено второе двухэтажное здание рядом с жилым домом. Его использовали под склад для готовых товаров, контору фабрики и жилище управляющего.

⁴ ЦГИА, София. Архив Гюмюшгерданова, ф. 161, 165— отдельные документы, кн. 51 стр. 35—36, 97—99; 164 — контракт Атанаса Милуси от 1849 года.

⁵ Там же, 165, кн. 51, стр. 7—8, 11—14, 27—28, 65—66, 83—84, 253—254.

⁶ Там же, 164 — контракт Атанаса Милуси от 1849 года.

⁷ Там же. Договор о переустройстве фабрики от 1853 года.

⁸ Там же, 164—165 — фактуры купленных машин.

Что же представляла собой фабрика в 60—70-х годах? В большом фабричном здании имелись два этажа и подвальное помещение. В подвале находились цех по сортировке шерсти и отдел упаковки готовой продукции с 3 машинами для резания сукна. Первый этаж занимали 8 чесальных машин системы «Брюн». На втором этаже размещались 12 ручных прядильных машин для тонкой пряжи, 2 прядильные машины для шерсти, 14 ткацких механических станков, 2 прессы для шерстяной материи⁹.

Рядом с машинным отделением находилась водная камера с деревянным водяным колесом, а возле — отдельные водные камеры с 2 колесами для валяльни. Вся эта система позволяла развивать мощность не менее чем в 25 лошадиных сил даже в летние месяцы.

Таким был технический облик фабрики. В известной мере он позволяет судить и о ее производственной мощности.

Рост числа новых машин косвенно свидетельствовал о том, что фабрика была рентабельна и владельцы расширяли ее производство. Фабрика сама изготовляла пряжу, которая перерабатывалась на 14 ткацких станках. Последние, хотя и старого образца (40-х годов XIX в.), работали в несколько раз быстрее ручного станка. Зная это, можно примерно установить производительность фабрики. Если ручной деревянный станок при 14—16-часовом рабочем дне давал максимум 7—10 аршин ткани, то 14 станков при дневной производительности минимум в 30 аршин за 300 рабочих дней при 14-часовом рабочем дне могли выработать в год 126 тыс. аршин. Некоторые документы фабричного архива подтверждают наши расчеты. За первые 6 месяцев 1862 г. было произведено 2 025 кусков грубой абы¹⁰. За год это составило бы 4 050 кусков. Куски содержали от 20 до 60 аршин¹¹. Если предположить, что в среднем в куске было 30 аршин, можно сказать, что годовая производительность составляла 121 500 аршин.

Позднее (в 1867 г.), когда фабрика получила новые машины, ее производство расширилось. В частности, это видно из докладов французского вице-консула в Пловдиве. По его сведениям, в 1864 г. фабрика выпускала только «обыкновенные шерстяные ткани»; позднее, к 1868 г., она «усовершенствовала свои машины» и в продолжение 2 лет (до 1870 г.) производила также фланель и кашемир. Еще более важно сообщение вице-консула о том, что фабрика ежегодно выпускала товара на 1 млн. франков. Если эту сумму, согласно тогдашнему курсу, перечислить в турецкие гроши, а затем в проданные аршины абы (в соответствии с ее продажной ценой), то получим, что 1 млн. франков равнялся 4,5—5 млн. грошей; 1 аршин абы по рыночной цене стоил от 4 до 10 грошей.

Исходя из рыночной стоимости аршина абы даже в 10 грошей, можно подсчитать, что продукция предприятия в 60—70-х годах составляла от 450 тыс. до 500 тыс. аршин¹².

Более точно установить объем продукции, которую выпускала фабрика, можно было бы, учтя дополнительно и возможности фирмы закупать необходимое предприятию количество шерсти и продавать выработанную абу. Однако архив фабрики не дает ответа на эти вопросы.

Попробуем выяснить качество и назначение продукции фабрики. В записях о производстве 1861—1862 гг. указывается, что в конце 1861 г. на

⁹ См. опись имущественного и машинного инвентаря фабрики, составленную Марией Гюмюшгердан после освобождения Болгарии от турецкого ига. ЦГИА, София, ф. 161, 161 — папка с документами на иностранных языках, 3 листа французского текста: первый под заглавием «Description», второй — «Forces motrices», третий — черновой вариант первого.

¹⁰ ЦГИА, София, ф. 161, кн. 327, лл. 3—4.

¹¹ N. Michoff, Contribution à l'histoire du commerce bulgare. I: Rapports consulaires belges. Sofia. 1941, p. 123—124; егo же. Contribution... III: Rapports consulaires français. Svichtov. 1950, p. 609, 724.

¹² См. N. Michoff, Contribution... I: Rapports consulaires belges, p. 123—124; егo же. Contribution... III: Rapports consulaires français, p. 610, 640, 724.

ее складах значилось 1 300 кусков «ямурлучни» — самого грубого и толстого сорта сукна, идущего для изготовления зимней одежды и плащей (ямурлуков), 2 025 кусков такой же материи было выработано за первые шесть месяцев 1862 года. Часть этой продукции отправлялась в Ахырчелебийский район в рассеянную швейную мануфактуру, где из нее шили военное обмундирование, другая часть поступала через городской склад фирмы в военно-интендантские склады¹³.

На фабрике, как видно из документов, производились и лучшие сорта ткани. Однако основным назначением предприятия в 40—70-х годах было удовлетворение нужд турецкой армии¹⁴.

Значительный интерес представляет исследование численности и состава рабочей силы, а также выяснение размеров заработной платы.

Гюмюшгерданы еще до постройки фабрики нанимали к себе на работу батраков, каменщиков, плотников, слесарей, мельников, ямщиков, пастухов, домашних слуг, конторских служащих и др. Число их варьировало от 50 до 100¹⁵. В 1848 г. в счетоводных книгах появляются первые записи о найме фабричных мастеров: «Иван из Панагюриште у машины», «Стоян Славчов из Панагюриште у машины», «Бойо Куртев из Панагюриште — валяльщик» и т. д.¹⁶.

К сожалению, по архивным документам авторам не удалось определить точное количество рабочих, занятых в производстве. Возможны лишь следующие исчисления. На основании данных об оборудовании фабрики в 70—80-х годах можно сказать, что 8 чесальных машин должны были обслуживать 8 чесальщиков; 12 ручных прядильных машин — 12 человек; 2 механические чесальные машины с 64 веретенами — 2—3 человека; 14 механических станков — 14 человек; 2 валяльщи — 2 человека; красильню — 2—3 человека; прессование, резание, свертывание и упаковку товара — 1—2 человека; сортировку, мытье и сушку шерсти — 5—6 человек; требовался 1 слесарь по ремонту оборудования и 1 кладовщик. Всего примерно было занято 52 человека.

По-видимому, в 60—70-х годах на фабрике имелось все же значительно больше рабочих. В счетоводных книгах за 1875—1876 гг., а также за 1876—1878 гг. зарегистрировано 119 человек. Однако только для 50—60 имелись отдельные счета с расчетами по месяцам и неделям. На остальных рабочих, которые, впрочем, получали ничтожные суммы, счета не заводились¹⁷. Видимо, это были временные рабочие. Кроме того, как рассказывают старожилы, Гюмюшгерданы эксплуатировали за ничтожную плату и заключенных пловдивской тюрьмы, которых предоставляли в их распоряжение местные власти.

Итак, можно полагать, что общая численность рабочих фабрики в 60—70-е годы составляла около 100 человек. Согласно сведениям упоминавшегося выше французского вице-консула, к 1868 г. на фабрике работало даже 120 человек¹⁸.

Проанализируем данные о постоянных рабочих предприятия в 1875—1878 гг., имевших отдельные счета в бухгалтерии. Их было около шестидесяти. По архиву можно установить, откуда прибыли 35 человек: 6 было нанято из села Дермендере, где находилась фабрика, а также близлежащих деревень; остальные 29 происходили из 12 различных, даже отдаленных городов Южной Болгарии¹⁹.

¹³ ЦГИА, София, ф. 161, кн. 327, л. 2.

¹⁴ К. Моравенов. Указ. соч., стр. 135, 136, 139; Н. Героу. Архив. Под ред. М. Г. Подпругенко. Ч. 1 (1857—1870). София. 1931, стр. 42 № 40, стр. 47 № 43, стр. 380 № 323; ЦГИА, София, ф. 161. Папка с документами на иностранных языках.

¹⁵ ЦГИА, София, кн. 23, стр. 184—185, 186—187, 188—189, 207, 237, 256—257; кн. 42, passim.

¹⁶ Там же, кн. 51, стр. 7—8, 11—12, 13—14, 27—28, 65—66, 83—84, 253—254.

¹⁷ Там же, кн. 555, стр. 119—120, 193.

¹⁸ N. Michoff. Contribution... III: Rapports consulaires français, p. 583.

¹⁹ ЦГИА, София, ф. 161, кн. 555, счета рабочих, стр. 1—193.

Тот факт, что рабочие приходили издалека, позволяет думать, что на родине у них имелось население, не находившее работы на месте. Примечательно, что большинство пришлых рабочих происходило из Пловдива, Сливена, Пирдопа, Панагюриште²⁰ — городов, где прядение и ткачество были значительно развиты и наемный труд широко распространен.

В 1846—1847 гг. заработная плата рабочего в месяц колебалась от 30 до 100—120 грошей. В среднем это составляло около 70 грошей, но для некоторых категорий существовала и более низкая оплата. Например, пастухи получали 8 грошей (!), столяр, возчик, красильщик — 40²¹. По сравнению с тогдашними рыночными ценами эта плата была чрезвычайно низкой; можно предположить, что низкооплачиваемые работники получали либо бесплатную квартиру, либо питание и одежду, как это тогда было принято для некоторых категорий рабочих. Приведенные факты позволяют сделать вывод о том, что братья Гюмюшгерданы за ничтожную плату использовали труд городской и сельской бедноты, находившейся в безвыходном положении.

В свете этого следует рассматривать и условия найма рабочих. Первые мастера и рабочие, нанятые в 1848—1849 гг., получали небольшую плату. Например, дневной заработок валяльщика Бойо Куртева составлял 2 гроша 2,5 пары, прядильщика Ивана — 35 пар, прядильщика Стояна Славчова — 1 грош 4 пары, ткача Панайота — 5 грошей; Атанас Калемджия получал 60 грошей в месяц, мастер Васил Димитров — «100 грошей в год и харчи»²².

Итак, большая часть нанятых рабочих получала в день около двух грошей.

Заработная плата постоянных рабочих почти не отличалась от платы временно нанимаемых. Причем если в 40-х годах XIX в. плата в виде 5 грошей в день все же позволяла семье существовать на грани прожиточного минимума, то заработная плата в 2 гроша не могла удовлетворить даже самых элементарных потребностей. Надо еще учесть, что пришлые рабочие должны были платить за жилище на фабрике и посылать часть средств семьям на родину. Заработная плата в 2 гроша в день была ниже голодного минимума. Понятно поэтому, что некоторых рабочих нанимали «с харчами», то есть им предоставлялось жилище на фабрике, питание и одежда.

В 60-е годы была принята новая система оплаты — по количеству выработанной продукции. За оку пряжи для утка платили 14 пар, за оку более тонкой и прочной пряжи для основы — 1 грош, за кусок вытканной абы — 2 гроша. Этот способ позволял фабриканту не платить рабочим во время простоев машин²³ и в то же время повышать производительность труда, усиливая эксплуатацию.

Анализируя уровень заработной платы, необходимо иметь в виду, что после 1856 г. под влиянием последствий Крымской войны Болгарию охватила инфляция. Цены на товары первой необходимости стали быстро расти, жизнь вздорожала в среднем на 150%. Например, ока шерсти в 1848—1849 гг. стоила 4 гроша, а в 1868—1870 гг. — 10—11; ока жита соответственно — 10—20 пар и 1—1,5 гроша, овца — 10—15 грошей и 40—45. Выросли цены на топливо²⁴.

Под давлением рабочего класса в 70-х годах ряд предпринимателей вынужден был повысить заработную плату. Однако у Гюмюшгерданов

²⁰ Там же; см. также кн. 51, стр. 7—8, 11—14, 27—28, 65—66, 83—84, 253—254.

²¹ Там же, кн. 23, стр. 184—189, 207, 237, 256—257; кн. 42, стр. 15—16, 45—46 и *passim*.

²² Там же, кн. 51, стр. 7—8, 11—14, 27—28, 65—66, 83—84.

²³ Там же, кн. 327, л. 3.

²⁴ N. Michoff. Beiträge zur Handelsgeschichte Bulgariens. II: Österreichische Konsularberichte. I. Bd. Sofia. 1943, S. 157; е го же. Contribution... III: Rapports consulaires français, p. 606, 608—609; газета «Македония», год изд. III, бр. 2, 7 декабря 1868 г. стр. 4.

этого не произошло. Из регистра со счетами рабочих за 1875—1878 гг. видно, что из 60 постоянных рабочих только 16 стали при сдельной выработке получать от 100 до 280 грошей в месяц. У остальных плата продолжала оставаться на уровне от 20—30 до 60—70 грошей²⁵.

В связи с ростом дороговизны реальная заработная плата болгарских рабочих в 60—70-е гг. по сравнению с 40-ми заметно сократилась. Особенно отчетливо это проявилось на фабрике Гюмюшгерданов. Об этом свидетельствуют служебные доклады французского вице-консула в Пловдиве, собиравшего сведения о режиме зарплаты на ряде промышленных предприятий Южной Болгарии на протяжении 60-х годов. Он сообщает, что в 1864—1868 гг. более 1 600 рабочих железнодорожных предприятий Самоковского и Софийского округов получали ежедневно от 80 сантимов до 2,5 французских франка при тогдашнем курсе франка в Пловдиве и Одрине 4—4,5 гроша; 3 тыс. наемных прядильщиц и ткачих из горных сел зарабатывали по 60—70 сантимов; работницы шелковой прядильни франко-болгарской фирмы в Старой Загоре — 80 сантимов. В то же время рабочие фабрики Гюмюшгерданов получали от 45 сантимов до 2,5 франка, или 1,5 гроша — 9 грошей 10 пар в день²⁶. Приблизительно ту же цифру называют счетоводные книги фабричной конторы Гюмюшгерданов. Этот минимум распространялся на преобладающее большинство рабочих. Снижение реальной заработной платы на фабрике в 60—70-х годах говорило об усилении капиталистической эксплуатации.

Фирма жестоко эксплуатировала не только рабочих, занятых на производстве, но и ремесленников и крестьян, косвенно связанных с предприятием. Эта эксплуатация основывалась на обмане и насилии. Особенно широкие размеры она приняла во время Крымской войны. Скупщики шерсти внушали крестьянам, что в условиях войны поставки на фабрику являются одним из видов государственной реквизиции, и скупали шерсть на местах по крайне низким ценам. Под тем же предлогом Гюмюшгерданы недоплачивали за работу ткачам и портным, пугая тех, кто не подчинялся, преследованиями и арестами.

Сами же фабриканты наживались на солдатском сукне, спрос на которое в годы войны был велик. Кроме того, Гюмюшгерданы утаивали часть продукции от интендантства и выгодно сбывали ее на рынке, ощущавшем нужду в текстильных товарах. В 1856 г. они задержали шерсть, полученную у крестьян, на своих пловдивских складах. Впоследствии ткани, выработанные из нее, были реализованы по вздутым ценам.

В ряде случаев шерсть, собранная в 1853—1856 гг. у южноболгарских крестьян в виде поставок военного времени, вообще не была оплачена. В Софийском округе, например, фирма осталась должна крестьянам более 200 тыс. грошей.

Можно назвать и много других приемов грабежа и обмана, в частности прямого обвешивания рабочих. Фирма сдавала шерсть и пряжу прядильщикам и ткачам рассеянной мануфактуры по весу в увлажненном виде, а принимала от них готовую продукцию только в сухом. Отчаявшись, большая группа женщин-работниц просила заступничества у пловдивских властей, но была осыпана бранью и прогнана²⁷.

Контора при покупке шерсти и готовой абы обвешивала крестьян, не доплачивая им 20—30% стоимости продукции.

В 1858 г. Михалаки потребовался большой конный обоз для перевозки партии солдатской одежды в порт Текирдаг. Он прибег к помощи начальника Пловдивского округа Хасан-паши, бравшего от Гюмюшгерданов

²⁵ ЦГИА, София, ф. 161, кн. 555, стр. 119—120, 193. Временных рабочих, на которых не был открыт счет, мы не принимаем во внимание из-за отсутствия достоверных данных.

²⁶ N. Michoff, Contribution... III: Rapports consulaires français, p. 583; e g o ж e Beiträgen... II: Österreichische Konsularberichte, S. 268, 302.

²⁷ К. Моравенов. Указ. соч., стр. 134.

взятки. По распоряжению Хасан-паши в базарный день полицейские задержали всех крестьян, прибывших из родопских сел в Пловдив на базар на лошадях и мулах, и отправили их к складам Михалаки. Здесь им было приказано погрузить тюки с одеждой на подводы и везти их в Текирдаг за вдвое меньшую по сравнению с обычным тарифом плату. Крестьяне жаловались окружному начальнику, но были прогнаны. Тогда они обратились за помощью к русскому вице-консулу. Последний со своим французским коллегой явился к паше и, ссылаясь на специальный закон от 1856 г., стал требовать прекращения насилия. Хасан-паша был вынужден освободить крестьян²⁸.

Все описанные формы эксплуатации составляли целую систему, которую Гюмюшгерданы применяли, пользуясь содействием турецких властей.

Необходимо, наконец, отметить и то, что Михалаки был постоянным откупщиком натурального налога-десятины с земледельческих хозяйств Пловдивского округа. При этом он использовал покровительство пловдивских и константинопольских турецких сановников, с которыми делил прибыли от сбора.

Михалаки не особенно церемонился и со своими мелкими компаньонами, не упуская случая обмануть их. В годы Крымской войны он недоплатил компаньонам 5 тыс. лир. Спор из-за денег перешел в жестокую вражду. Обсчитанные компаньоны покушались на жизнь Михалаки, но по ошибке вместо него убили Димитрия Гюмюшгердана²⁹. В начале 60-х годов вышел из компании и второй брат Михалаки, Георгий, не пожелавший принимать дальнейшее участие в опасных аферах. Он, как уже говорилось, управлял константинопольской конторой. Михалаки сделался полным хозяином фабрики.

Вскоре он стал членом окружного административного совета, был произведен в предводители греческой народной общины в Пловдиве и получил право называться Михалаки-беем.

Михалаки добивался покровительства представителей турецкой власти в Пловдиве, а отчасти и в Константинополе, привлекая турецких сановников к участию в прибылях фирмы и давая им взятки. За наиболее важными, влиятельными покровителями следовали помельче — пловдивские чиновники и другие лица, которым Гюмюшгерданы предоставляли займы от 1 тыс. до 20 тыс. грошей. Как видно из счетоводных книг фирмы, в числе должников были и греческие митрополиты в Пловдиве Никифор и Хрисанф. Фиктивным компаньоном Гюмюшгерданов являлся Молла Измаил, устранивший в турецких кругах сделки, которые было неудобно совершать самому Михалаки. На верху лестницы покровителей всех мастей стояли пловдивские паши, управлявшие округом в период с 1848 по январь 1878 года. Это были интимные друзья и защитники Михалаки. О приобретении благоволения и помощи столичных сановников заботилась и константинопольская контора фирмы Гюмюшгерданов под руководством Георгия, а после его ухода — под руководством грека Гарофалиди, доверенного лица Михалаки³⁰.

Многие документы³¹ свидетельствуют о связях Гюмюшгерданов с начальником Пловдивского округа. Последнему были подарены роскошная коляска и кони стоимостью в 25 тыс. грошей; его приглашали на увеселения и пиршества, устраиваемые Гюмюшгерданами.

²⁸ Н. Геров. Архив. Ч. 1, стр. 47 № 43.

²⁹ К. Моравенов. Указ. соч., стр. 135. «Из архивата на Найдено Геров». Под ред. Т. Панчева. Кн. 1, стр. 176 № 305.

³⁰ К. Моравенов. Указ. соч., стр. 131, 134—139; ЦГИА, София, ф. 161, кн. 420: 421, 423, 555, 558 и др.

³¹ См. «Из архивата на Найдено Геров». Под ред. Т. Панчева. Кн. 1, стр. 617 и сл. № 1027, стр. 622 № 1037, 1863 г.; стр. 635 № 1061, 1866 г.; стр. 653 № 1094, 1869 г.; стр. 692 № 1156, 1867 г.; стр. 964 № 1583, 1863 г.; кн. II, стр. 358 № 2204, 1863 г.; стр. 630 № 2695, 1864 г.; Н. Геров. Архив. Ч. 1, стр. 20 № 19, 1857 г.; стр. 42 № 40, 1857 г.; К. Моравенов. Указ. соч., стр. 276.

Связи с турецкими властями Михалаки использовал не только для того, чтобы обеспечить предприятию постоянные государственные заказы; с помощью турецкой администрации он совершал спекуляции и беззакония; обманывал и грабил всех, с кем входил в деловые отношения. Пронизвол и грабежи привели наконец к тому, что в 1857 г. для обследования дел был вынужден приехать правительственный инспектор. Болгарское население потребовало, чтобы были расследованы и дела Михалаки. Однако инспектор сослался на отсутствие соответствующего разрешения от правительства³². В 1862 г. жители Пловдивского округа подали великому везирию коллективную жалобу на Гюмюшгердана и Хасан-пашу. Несколько позднее, в начале 1863 г., о злоупотреблениях этих двух лиц появилась и корреспонденция в газете «*Courier d'Orient*»³³. Но Гюмюшгердан оставался безнаказанным: Жалобы на него не имели последствий и в 1866 г., когда в Пловдив прибыл один из министров. И не удивительно: министр дважды побывал на обеде у Гюмюшгердана³⁴.

Таким образом, фабрике было обеспечено процветание. Более того, с помощью подкупленных чиновников Гюмюшгерданы вздували цены на свои товары даже тогда, когда поставляли продукцию более низкого качества, чем было обусловлено договором. Так скреплялась связь Гюмюшгерданов с турецким военным интендантством, и фирма полностью страховалась от опасностей свободной конкуренции.

Фактически, хотя и неофициально, фабрика была на привилегированном положении, пользовалась преимуществами монополиста. Благодаря этому она действовала и развивалась бесперебойно в течение 30 лет, оставаясь, что особенно важно подчеркнуть, частной собственностью крупных по тому времени капиталистов. Подобного примера в Болгарии во времена турецкого владычества нет; все остальные капиталистические промышленные объекты, о которых может идти речь, являлись мануфактурами (а не фабриками) или возникли только в 60—70-х годах, либо стали собственностью государства, либо, наконец, существовали непродолжительное время.

Фабрику Гюмюшгерданов нельзя назвать особенно большой. Но ее значение заключается не в размерах, а в специфических признаках ее экономической структуры. История фабрики показывает, как капиталистические предприниматели умели уловить особенности экономической и социальной обстановки, существовавшие во времена Османской империи, приспособиться к этим условиям и поддерживать фабричное заведение, используя примитивные формы экономического и внеэкономического принуждения. Вместе с тем история фабрики показывает, как капиталистические производственные отношения в Болгарии прокладывали себе дорогу в условиях турецкого военно-феодального господства. Именно этими условиями определялись своеобразные формы капиталистических предприятий. И не случайно после освобождения Болгарии в 1878 г. русскими войсками, когда прекратились поставки для турецкой армии и турецкие чиновники, покровительствовавшие предприятию Гюмюшгерданов, вынуждены были покинуть Болгарию, фабрика закрылась.

Предприятие Гюмюшгерданов, таким образом, представляет собой пример капиталистической фабрики в специфических условиях турецкой тирании. Его история составляет важный этап в развитии капитализма в Болгарии.

³² Н. Геров. Архив. Ч. I, стр. 42 № 40.

³³ См. «Из архивата на Найден Геров». Кн. 1, стр. 617 № 1027, стр. 622 № 1037, стр. 623 № 1040.

³⁴ Н. Геров. Архив. Ч. I, стр. 412 № 355.